

История философии

78. Философия обыденного языка.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

В последние пару недель мы прослеживали развитие позитивистского движения от XIX до XX веков, его утверждение о том, что все утверждения о знании должны соответствовать стандартам того, что считается эмпирической наукой. И в действительности этот процесс достигает своего апогея в логическом позитивизме. Мы обсуждали некоторые факторы, приведшие к упадку логического позитивизма, и одним из них стало возникновение философии обыденного языка как отдельной от философии идеального языка области знаний.

Иными словами, идеалом для Рассела, и по крайней мере для некоторых позитивистов, было облечь наши знания в язык, свободный от всяких расплывчатых коннотаций, поскольку символы определяются со ссылкой на явные эмпирические точки, и показать взаимосвязи с помощью формального логического вывода. Таким образом, использование символической логики представляло собой своего рода идеальный язык формальной логики. Что ж, как я уже сказал, это привело к логическому позитивистскому движению и движению за обыденный язык, последнее из которых, Витгенштейн и другие, о которых мы будем говорить сегодня, выступали против этого, настаивая на том, что идеальный язык слишком редукционистский.

Вы помните, что Куайн возражал против редукционизма. Он слишком редукционистский. Дело в том, что язык в своем обычном употреблении выполняет множество различных задач, а не только аналитические и описательные задачи, связанные с эмпирическими данными.

Таким образом, привлекательность заключается в гораздо большем разнообразии способов использования языка. Поначалу это нелегко понять, поэтому, думаю, будет полезно начать с конкретного примера, а именно с дискуссии о религиозном языке, к которой мы можем вернуться в незавершенной части нашей программы в книге Айера «Язык, истина и логика», где, как вы помните, в прошлый раз, комментируя главу 6 «Этика и теология», мы обсудили его подход к этике, но не к теологии. Он дает очень прямолинейное объяснение, и его можно резюмировать следующим образом: с учетом критерия проверяемости значения, фактического значения, утверждение о существовании Бога не имеет фактического смысла, поскольку оно не может быть эмпирически проверено напрямую или в принципе.

Бог не является чувственным объектом. На самом деле, термин «Бог» — это метафизический термин, бессмысленный, поскольку он не имеет эмпирической

привязки. Следовательно, любые рассуждения о Боге не имеют фактического смысла.

Таким образом, весь богословский язык, язык о Боге, весь богословский язык лишен фактического смысла. Следствием этого является не то, что он атеист или агностик; следствием является то, что теизм, атеизм и агностицизм одинаково бессмысленны. Они ничего не утверждают.

То есть, всё, что имеет фактическое значение. Следствием этого является то, что между религией и наукой на самом деле нет логического конфликта, потому что наука утверждает определённые вещи, а религия — нет. Так как же может быть какой-либо конфликт? И результатом является то, что религиозный опыт не может предоставить никаких доказательств, потому что религиозный опыт говорит о психологических состояниях, язык религиозного опыта говорит о психологических состояниях, которые можно описать эмпирически, но разговор об опыте как таковом не даёт нам эмпирической связи с Богом.

И он говорит о том, как мистик, в классическом понимании, говорил о Боге как о непостижимом, неопишемом существе. Мы можем говорить о Боге только посредством отрицания. Таким образом, отсутствует какой-либо фактически осмысленный богословский язык.

Такова была точка зрения Айера, и она была в некоторой степени повторена в 1944 году в статье Джона Уиздома, озаглавленной просто «Боги». Она появилась в одном из британских журналов, «Труды Аристотелевского общества», где он заявил, что обсуждение Бога или богов, или подобной терминологии, больше связано с чувствами людей, чем с фактами. Больше с чувствами, чем с фактами.

имеет эмпирических доказательств. Однако именно статья Джона Уиздома положила начало дискуссии, которая стала довольно известной. По-моему, она впервые вышла на BBC, и эти материалы многократно перепечатывались .

Их можно найти во всевозможных антологиях по философии религии. Но в этой университетской дискуссии, или, вернее, в том, что обсуждалось, речь шла о теологии и фальсификации. Теология и фальсификация.

И вы можете увидеть, что здесь явно прослеживается эмпирический критерий смысла. В обсуждении участвовали три человека. Одним из них был Энтони Флю, и я написал их имена на доске, чтобы вы могли их найти.

Одним из них был Энтони Флю, который, пытаясь объяснить скептику, как верующий говорит о Боге, рассказал притчу о невидимом садовнике. Невидимый садовник. То есть, некоторые исследователи натываются на участок

земли, окруженный стеной, забором или чем-то подобным , и Очевидно , что о нем заботятся.

Оно возделано. Оно прополота. Одним словом, оно превращено в сад.

И поэтому они хотят выяснить, кто это делает. Но никого не могут найти. Они слоняются поблизости, и никто не появляется.

И вот они начинают говорить сами с собой о невидимом садовнике. Вот какое объяснение они придумали. Теперь, что вы скажете с точки зрения проверяемости, опровержимости ? Как можно опровергнуть существование невидимого садовника с помощью эмпирических данных? Просто невозможно.

Итак, именно так верующие говорят о Божьей заботе и Божьей любви. Таким образом, всё, что входит в картину провидения, благодати и Божьей деятельности, может быть охвачено подобной историей. Это невозможно проверить эмпирически, но, как ни странно, исследователи находят это очень и очень значимым предметом для обсуждения.

Вторым участником был Р.М. Харе. Р.М. Харе. И он ближе к тому, чтобы подчеркнуть, что мудрость рассматривает религиозные дискуссии просто как выражение чувств.

Возможно, это экзистенциальное чувство, но всё же чувство . В его рассказе, в истории об оксфордском профессоре, который страдает от определённой заикленности на мелочах. Заикленность – это своего рода иррациональная проблема.

Он в этом убежден. У него есть чувство, в данном случае — чувство, что кто-то пытается его убить. И это определяет все его поведение.

Он всегда начеку. Это объясняет его поведение. Видите ли, невидимый садовник был объяснением некоторых вещей.

Но теперь Хейр говорит об объяснении поведения отдельного человека. Невидимые садовники были своего рода отстраненными наблюдателями. Но этот оксфордский профессор очень сильно вовлечен.

Ему не всё равно. Для него это очень важно. Здесь речь идёт скорее о религиозных чувствах.

Разумеется, то, что он говорит, не является эмпирически проверяемым или опровергаемым утверждением. Поэтому оно избегает... Поэтому оно подвергается критике со стороны логического позитивиста. И всё же, вот оно.

Это его не останавливает. Видите ли, профессор моргает. А третий человек — это Бэзил Митчелл, который сам был теологом в Оксфорде.

Бэзил Митчелл рассказал еще одну притчу, еще одну историю о страннике. И имейте в виду, что это было сделано в конце сороковых годов.

И он говорит об оккупированной Франции. Вы просто рассказываете кому-то о том, что они делают и откуда берут указания. Нет, и о том, откуда они берут указания.

И что они обеспечены необходимыми военными припасами для своей подпольной деятельности. И они объясняют, что делают это потому, что к ним пришел незнакомец. Незнакомец, который велел им бороться против злых оккупантов.

Он обещал им средства и придёт снова, чтобы одержать полную победу. И поскольку они поверили страннику, они так и поступают. Теперь, очевидно, богослов говорит о пришедшем Христе и о втором пришествии, которое, как обещано, принесёт полную победу.

Но впечатление, созданное словами, обещаниями, поступками и личностью незнакомца, таково, что они полностью убеждаются в его правоте. Поэтому, хотя их рассказ о незнакомце на данном этапе не поддается эмпирической проверке или опровержению, он, безусловно, объясняет его поведение. Таким образом, в этих трех случаях мы имеем историю, рассказанную для объяснения убеждений и поведения религиозных людей.

История, которую невозможно проверить эмпирически. Хотя, как вы можете заметить, история о незнакомце в принципе поддается проверке в будущем. То, что Джон Хик позже назвал эсхатологической проверкой.

В принципе, это можно считать проверкой. Хорошо. Но суть в том, что во всех трех этих случаях используется гораздо более свободный язык, якобы основанный на фактах.

Во всех трёх случаях речь идёт либо о садовнике, либо о незнакомце, либо о потенциальном убийце. Понимаете? В каждом из этих случаев делается фактическое утверждение, которое не соответствует критериям логического позитивизма. И эта дискуссия получила широкое распространение как стимул к продолжающимся дебатам.

Это отражало распространенное мнение об обыденном языке, согласно которому позитивистский критерий слишком редукционистский, слишком

узкий. Существует множество более широких способов использования языка, даже фактического, чем тот, который может учесть позитивист. Однако некоторые другие взгляды, которые развились в последующие десять лет, вплоть до 50-х годов (фактически, это был главный вопрос в философии религии на протяжении 50-х и до 60-х годов), начали поднимать другие вопросы.

Некоторые другие точки зрения довольно интересны. Был один профессор из Кембриджа по имени Брейтуэйт, который говорил, что религиозный язык — это просто аморальные обязательства. Я помню, как однажды слышал его выступление, в котором он сказал, что когда он идет в церковь и читает Апостольский Символ веры: «Я верю в Бога Отца Всемогущего», — на самом деле он просто посвящает себя определенному образу жизни.

Не к истинности положений, на которых традиционно основывался образ жизни, а просто к принятию определенного образа жизни. Если хотите, кантовский взгляд на религию как на символическое выражение моральных обязательств. Аласдер Макинтайр, да, тот самый Макинтайр, о котором мы сейчас слышим в контексте этики добродетели и тому подобного, который сейчас работает в Нотр-Даме, тогда был молодым шотландско-ирландским профессором, и он пытался доказать, что религиозный язык сам по себе является особой языковой игрой.

Иными словами, религиозные способы использования отличаются от всех других. Их нельзя свести к моральному языку, нельзя свести к метафизическому языку. Он назвал это идиосинкратическим явлением.

Таким образом, он отстаивал своеобразную банальность. И, конечно же, если религиозный язык своеобразен и не имеет эмпирических составляющих, то он не поддается никаким эмпирическим доказательствам. Вы, вероятно, быстро поймете, что в этот момент он придерживался теологии в духе Барта, в которой естественная теология и любые рациональные доказательства существования Бога просто недопустимы.

Таким образом, этой своеобразной банальности было достаточно. Однако именно в этом контексте другой человек, Пол Ван Бюрен, который тогда, кажется, работал в Университете Темпл, опубликовал книгу под названием «Светский смысл Евангелия».

Это положило начало «смерти богословия», как его называли в конце 50-х — начале 60-х годов. «Смерть богословия». Его мысль заключалась в том, что в секулярную эпоху, в секулярную научную эпоху, мы должны по-новому осмыслить религиозный язык.

Нам необходимо по-новому осмыслить религиозный язык. Язык Бога, в его традиционном сверхъестественном, метафизическом смысле, язык Бога — это мертвый язык, не имеющий смысла в светскую научную эпоху. Почему? Потому что все, что имеет фактическое значение, поддается эмпирической проверке.

Таким образом, исходя из принципа проверяемости, он утверждал, что Бог мертв. И под этим он подразумевал, что божественный язык традиционного толка — это мертвый язык. Он не имеет смысла.

Таким образом, смысл, который мы вкладываем в Евангелие, по сути, сводится к своего рода светскому гуманизму. Это язык, который скрывает другие обязательства и заботы. Что ж, было рассмотрено множество альтернативных вариантов .

А к концу 50-х годов логический позитивизм, кажется, достиг своего пика , начал приходить в упадок, и философия религии вновь стала совершенно приемлемой. Вот, например, я познакомился с Уильямом Алстоном, который сейчас является одним из ведущих специалистов в области философии религии в этой стране. Впервые я встретил его в конце 50-х, когда он был агностиком и преподавал философию религии в Мичиганском университете.

Итак, как я уже говорил, он — одна из ведущих фигур в философии религии, работающая над аргументацией существования Бога, основанной на религиозном опыте. Одним из первых, кто подхватил эту идею, был Джордж Мавродис, который в конце 50-х — начале 60-х годов опубликовал небольшую книгу под названием «Вера в Бога», в которой, опять же, удалось сделать подобное утверждение. Таким образом, всплеск, возобновившийся всплеск философии религии начался в конце 50-х — начале 60-х годов, и сейчас, как большинство из вас знает, он достиг, пожалуй, своего наибольшего пика с тех пор, с работами не только в философии религии, но и в философской теологии, и никто не думает говорить, что это бессмысленно, потому что это не поддается эмпирической проверке.

Таким образом, это знакомит нас с более широким разнообразием способов использования языка. Теперь, после этого вступления, позвольте мне сказать несколько слов о позднем Витгенштейне, потому что во многом именно его импульс, его философские исследования, привели к созданию этой книги. Эта книга была опубликована на английском языке в 1953 году.

Первая часть была опубликована на немецком языке в 1945 году. Таким образом, вы можете видеть, что это происходило одновременно с упомянутыми мной изменениями. Витгенштейн рассматривает язык как своего рода социальное поведение.

Иными словами, язык не сводится просто к двум функциям — познавательной и эмоциональной, как утверждают позитивисты. Это скорее социальное явление, используемое самыми разными способами. Жизнь, человеческая жизнь, принимает различные формы.

Язык — это инструмент, который используется; он выполняет свою функцию в любом образе жизни, в котором человек участвует. И поэтому существует такое разнообразие, как он называет языковые игры, игры, в которые можно играть. Он проводит аналогию с тем фактом, что вы можете получить, скажем, определенные карты, колоду игральных карт, и играть во множество игр с этими картами.

Итак, существует множество карточных игр. Ну, и, очевидно, вы можете изучать английский язык и делать всевозможные вещи, играть во всевозможные игры на английском языке, языковые игры. Теперь позвольте мне прочитать пару отрывков, в которых, ну, вы поймете и его стиль, и то, что он делает.

Он говорит: представьте себе инструменты в ящике для инструментов. Там есть молоток, плоскогубцы, пила, отвертка, линейка, банка клея, клей, гвозди, шурупы, и функции слов так же разнообразны, как и функции этих предметов. Поэтому воспринимайте язык как ящик с инструментами для выполнения самых разных задач, а не только одной или двух.

Или, как мы видим несколькими страницами позже, сколько существует типов предложений? Он не говорит о предложениях. Предложение — это лишь один из типов вещей. Предложения — это языковые формы.

Сколько существует типов предложений? Например, утверждение, вопрос, повеление. О, их бесчисленное множество, с разным использованием. И это многообразие не является чем-то неизменным раз и навсегда, потому что появляются новые типы языка, новые языковые игры, а другие устаревают и забываются.

Термин «языковая игра» призван подчеркнуть тот факт, что говорение на языке является частью деятельности, поведения, образа жизни. Теперь рассмотрим множество языковых игр на следующих примерах. Отдача приказов и их выполнение.

Описание внешнего вида объекта с указанием его размеров. Создание объекта по описанию или рисунку. Сообщение о событии.

Выдвижение предположений о каком-либо событии. Формулирование и проверка гипотезы. Представление результатов эксперимента.

Придумывание истории. Чтение истории. Участие в спектакле.

Пение в стиле ирландских песен. Разгадывание загадок. Шутки.

Решение арифметических задач. Перевод с одного языка на другой. Задавание вопросов.

Благодарность . Ругательства. Приветствие .

Молитва. Знаете, он быстро добавляет, что это лишь несколько примеров. Потому что здесь мы видим разные модели поведения, разные модели поведения, которые предполагают различное использование языка, а не упрощенный подход.

И он подчеркивает, что его беспокоит то, чтобы мы не смешивали различные способы использования языка и, таким образом, не создавали логических загадок и проблем, которые на самом деле вовсе не проблемы, а просто возникают из-за злоупотребления языком. Вот как он это формулирует: работа философа состоит в том, чтобы собирать напоминания для определенной цели.

Если бы вы попытались выдвинуть философские тезисы, их никогда не удалось бы подвергнуть сомнению, потому что они касались бы только слов, и все бы с ними согласилось. Поэтому философия не разрабатывает собственные теории. Она по-прежнему остается своего рода терапевтической деятельностью.

Решение проблем. Ответ на поставленный им вопрос: как вытащить муху из бутылки? Бывало ли у вас такое, что муха попадала в бутылку, и вам нужно было её оттуда вытащить? Как вытащить муху из бутылки? Загадка. Так что философия действительно занимается именно этим — прояснением недоразумений. на основе гораздо более свободного и широкого эмпирического подхода к изучению человеческого поведения и языкового поведения.

Теперь один пример, который он приводит, может помочь. У него есть небольшая книга, основанная на некоторых его лекциях, под названием «Неопределенность». Очевидно, что тема — эпистемология.

И он тем самым принимает на себя одно из требований эпистемологии Просвещения — требование определенности. Если хотите, он — постмодернист, критикующий эпистемологию Просвещения.

Теперь он начинает с упоминания знаменитой лекции Дж. Э. Мура перед Британской академией, в которой тот собирался доказать существование двух материальных объектов. Запомните, вот один. А вот рука.

Я знаю, что это подстава. Что мы имеем в виду, когда говорим что-то подобное?
Я знаю, что это подстава. Мое поведение и поведение Мура показывают, что они знают, что это подстава.

И эти слова лишь подтверждают это. Это значит, что сомневаться в этом бессмысленно. Сомневаться в том, что это рука.

«Я знаю» — это своего рода гарантия, которую я вам даю . Моё личное заверение, что это правда, а не какая-то подделка, я просто проверяю это на практике. Но, кроме того, утверждение «я знаю» подразумевает, что вся картина мира в целом верна.

Я знаю, что это часть гораздо более обширного, целостного мировоззрения, в котором существуют определенные базовые убеждения, как он их называет. Таким образом, у него, если хотите, есть реализм здравого смысла , который он обосновывает своими словесными действиями. Это Райл.

Беру свои слова обратно. Это был Витгенштейн. А теперь пару слов о Гилберте Райле, который продолжал публиковаться и в 50-е и 60-е годы .

две его книги . Одна называется «Дилеммы», а другая — «Концепция разума». «Дилеммы», да, она о философских спорах, философских проблемах, реализме против идеализма, свободе и детерминизме, разуме и теле, науке и религии, что верно.

Представлять их в качестве альтернатив, кажется, ставит вас перед дилеммой. Что ж, у него есть целая книга, посвященная этим дилеммам. И его точка зрения заключается в том, что это ложные дилеммы, псевдопроблемы.

Существуют споры о территории, которую охватывает язык. Они представляют собой то, что он называет, и это понятие, которым Райл весьма известен, категориальными ошибками. Категориальными ошибками.

Когда одно слово используется в двух разных категориях, возникает двусмысленность, и реального спора нет. Теперь он иллюстрирует понятие категорий и говорит о различных языковых играх. Слова, используемые в разных языковых играх, иногда могут приводить к путанице в языковых играх.

Но он наглядно демонстрирует свой смысл. Возьмем, к примеру, этот замечательный, достойный и восхитительный британский вид спорта — крикет. Он говорит: «Ну, вот бэтсмен, вот боулер, я назову его питчером».

Вот ворота, это столбики, вот поле, это 21 ярд между ними. Но где же командный дух? О, это уже совсем другая история.

Это не эмпирический объект, как другие подобные вещи. Поэтому он утверждает, что именно так возникают философские проблемы, проблема чувственного восприятия. Воспринимаем ли мы материальные объекты или только чувственные данные? Это зависит от того, используете ли вы язык нейрофизиологии или обыденного опыта.

Если говорить о восприятии с точки зрения обыденного опыта, то языковая игра заключается в том, что вы видите материальные объекты. Если говорить о чувственном восприятии с точки зрения нейрофизиологии, то языковая игра заключается в том, что вы видите чувственные данные. А что насчет свободы и детерминизма? Ну, если говорить о человеческом поведении с точки зрения причинно-следственных условий, то именно этим и занимается детерминист.

Но если говорить об одних и тех же моделях поведения с точки зрения ответственности, то именно этим и занимается индетерминист. Можно говорить об одних и тех же вещах, но играть в две разные игры: детерминистскую и индетерминистскую. То же самое относится к науке и религии.

Разум и тело — тоже. Некоторые люди это заметили и сказали: «О, хорошо, значит, два языка могут дополнять друг друга». И поэтому они ссылаются на принцип научной комплементарности.

Помните принцип дополнительности из физики, не так ли? Как мы описываем способ передачи света? Он передается волнами или частицами? Почему же это должно быть либо то, либо другое? Принцип дополнительности предполагает волны. Существуют две взаимодополняющие вещи, взаимодополняющие картины одного и того же явления. Что это может означать в данном случае? Что ж, в своей концепции разума он совсем не ясно говорит, что это одно и то же, потому что там он говорит о проблеме разума и тела.

И он пытается составить, и обратите внимание на используемую терминологию, карту логической географии. Это очень распространенное и знакомое выражение. Вы занимаетесь логической географией, когда пытаетесь разобраться в происходящем.

А если вы занимаетесь логической географией, вы пытаетесь составить карту. То есть вы пытаетесь обозначить логическую географию знаний, которыми мы уже обладаем о разуме. Вы пытаетесь найти новую информацию.

Но давайте обозначим географию знаний, которыми мы уже обладаем. Уже обладаем? Да, в нашем языковом поведении. Потому что способ использования языка развивался, проверялся, совершенствовался и тестировался на протяжении веков в истории языка.

Таким образом, в этих моделях поведения скрывается множество неявных знаний. И то, что он пытается сделать в концепции разума, — это составить карту этих неявных знаний. Обратите внимание, что разум и тело — это существительные.

И поэтому мы привыкаем рассматривать разум и тело как две разные вещи. Психические состояния и физические состояния как две разные категории вещей. И всё это только потому, что разум и тело — существительные.

Вводя в заблуждение поверхностным грамматическим сходством, а не углубляясь в фактическое использование слов в языковом поведении, он предлагает рассматривать язык разума и язык тела как относящиеся соответственно к частному, в отличие от публичного, поведению, а также к сознательному и физическому поведению.

Таким образом, эмоции и мотивы — это всего лишь личные склонности к определенному поведению. Это субъективные модели поведения, которые подталкивают нас к определенным объективным моделям поведения. И когда вы говорите: «Я злюсь из-за того, что происходит в Лос-Анджелесе», вы имеете в виду что-то вроде: « Я хочу на кого-нибудь накричать ».

Вы говорите, что тайное чувство — это склонность к явному поведению. В этом смысле он переводит все утверждения о разуме и умственной деятельности в утверждения о поведении. Таким образом, он создает версию проблемы «разум-тело», известную как лингвистический бихевиоризм .

Язык разума — это просто язык, описывающий личные поступки. Лингвистический бихевиоризм . Нет, это не метафизический язык.

Но язык сознания — это язык, описывающий реальные, предполагаемые или возможные телесные действия. Вот так. Именно его книга «Концепция сознания» положила начало дискуссии в области философии сознания, которая продолжается с 1950-х годов по настоящее время.

А некоторые из вас проходили курсы по философии сознания, так что вы кое-что об этом знаете. Кстати, в последнее время у нас было два подхода к философии сознания. Был курс, который вел Робертс, и он гораздо больше посвящен философии сознания с точки зрения психологических состояний.

Эмоции, внутренние установки. Хорошо. И вы, возможно, заметили, что Робертс подходит к этому с точки зрения анализа того, что мы имеем в виду, когда говорим, что мы делаем, когда говорим, что мы думаем, когда говорим.

Видите ли, его философский метод во многом находится под влиянием этого приема обыденного языка Витгенштейна. Он иногда читает курс по Витгенштейну, который он изучал во время обучения в аспирантуре Йельского университета под руководством Пола Холмана. Вот так.

Таким образом, это метод, который он использует с большой эффективностью, без ограничений в метафизике, которые есть у некоторых людей. С другой стороны, если вы занимались философией сознания, как это делает О'Коннор в современной метафизике, то, видите ли, у вас другой метод. Но суть в том, что в развитии постпозитивистской метафизики развивалась как метафизическая сторона философии сознания, так и философско-психологическая сторона философии сознания.

Таким образом, интерес Робертса сосредоточен на философской психологии, в большей степени в традиции Гилберта Райла и Витгенштейна. А подход О'Коннор гораздо больше относится к метафизике, к философии науки. Дэвид.

Нет, знаете, если попытаться выяснить у него ваше представление о разуме, он, я думаю, окажется своего рода эпифеноменалистом. То есть, какова реальность, лежащая в основе этих мозговых процессов? И существуют психические явления, которые являются побочными эффектами мозговых процессов.

Поэтому я думаю, что Райл — своего рода эпифеноменист. Иногда его называют бихевиористом, но только если есть предисловие «лингвистический бихевиоризм». Разговор о разуме — это разговор о частном или публичном поведении.

И его точка зрения заключалась в том, что язык, описывающий разум, без остатка переводится на язык поведения, язык, описывающий поведение. Так что это снова вопрос переводимости. Хорошо, это был Райл.

Не хотите ли сделать паузу и поразмыслить, прежде чем я добавлю что-нибудь? Он упоминает одну вещь, ставшую довольно известной в концепции машины. Он называет декартовскую точку зрения на разум как на нечто, так или иначе присутствующее в теле, мифом о призраке в машине. И вот это выражение, «призрак в машине», стало знаменитым.

И вы слышите, как его цитируют повсюду. Он почти так же известен, как *Cogito Ego Sum*. Seriously.

Это одна из тех фраз, которые журналисты подхватывают, и так далее. Миф о призраке в машине. Он просто пытается доказать, что тот факт, что слова «разум» и «тело» являются существительными, не означает, что одна сущность находится внутри другой.

Видите ? Миф о призраке в машине. Ладно, из трёх человек, о которых я говорю, Джей Эл Остин, безусловно, самый весёлый. Это не критерий, не философская пронизательность, хотя это, конечно, смягчает воздействие лекарства.

У него потрясающее чувство юмора, это правда. В своей книге «Как делать что-либо словами», опубликованной в 1955 году, он попытался систематизировать различные типы использования языка. Другими словами, он считает, что во всем этом множестве способов использования, которые ввел Витгенштейн, могут существовать определенные основные типы высказываний.

И он пытается систематизировать их таким образом, что это оказало значительное влияние. Он различает, давайте посмотрим, он различает когнитивные высказывания в смысле утверждений и предложений от перформативных высказываний более разнообразного рода. Вы помните, я говорил, что, по мнению Айера, фраза «это правда, что» — это всего лишь перформативное высказывание.

Это ничего не добавляет. Лучше что-то сделать, чем что-то утверждать. Это перформативное высказывание.

Итак, он говорит о локутивных актах, иллокутивных актах и перлокутивных актах. Это то, что мы сегодня называем языковыми актами. Термин «языковые акты», как мне кажется, был придуман Джоном Сёрлом, преподавателем в Беркли, в его книге «Речевые акты».

Обратите внимание, что в понятии языковых актов речевые акты подразумевают использование языка как своего рода социальное поведение. Хорошо, тогда давайте разграничим локутивный и иллокутивный акты. Локутивный акт — это просто акт произнесения чего-либо.

Очень общая категория. Локуция, высказывание. Но иллокутивный акт — это действие, которое вы совершаете, говоря что-либо, отсюда и название «иллокутивный».

Перлокутивный акт — вы действуете, что-то говоря. Перлокутивный акт. Теперь, пример — иллокутивный акт, само высказывание является актом.

Вы это произносите, вынося вердикт, отвечая на вопрос.

Давать советы. Говоря так, как вы говорите, вы даете советы. Перлокутивная речь, язык — всего лишь средство.

Вы убеждаете кого-то что-то сделать. Вы мешаете кому-то что-то сделать. Вы раздражаете кого-то своими словами.

Значение заключается не в том, что вы говорите, а в том, чего вы пытаетесь достичь с помощью этих слов. Вы могли бы сказать что-то другое, и это тоже могло бы сработать. И снова мы говорим о разнообразии используемых нами средств.

Что ж, подобные вещи вводят понятие языковых актов, языкового поведения и делают его очень популярным. Но ещё одна вещь, которая вас заинтересует в Дж. Л. Остине, — это его книга «Разум и чувства». Обратите внимание, что имя — Остин.

Вы знакомы с другой Остин? С Джейн Остин, автором романа «Разум и чувства». Это роман Дж. Л. Остин. «Разум и чувства».

Не Джейн, а Джон. «Разум и чувства». Уже само название — шутка, и это типично для Остина.

Я не имею в виду, что вся книга — это шутка. Думаю, в этом случае это перлокутивный акт. Он рассказывает шутку с помощью языка, который он использует для чего-то другого.

Хорошо. Эта книга — критика теории чувственного восприятия Эй-Джей Эйера. Не того Эй-Джей Эйера, который разбирается в языке, истине и логике.

Но, на мой взгляд, Эй Джей Эйер в своей книге — это «Основы эмпирического знания». Потому что Эйер разработал феноменологическую точку зрения, согласно которой всё, что мы знаем, основано на чувствах. Теперь Остин в своей книге «Чувства и чувственность» утверждает, что это происходит из-за его одержимости несколькими словами и чрезмерного упрощения их использования.

Слова, обозначающие чувственные данные, такие как синий, квадрат и т. д., или выражения типа «выглядит», «кажется» и «кажется», — все они искажаются и интерпретируются как утверждение, что обычное чувственное восприятие страдает от такой иллюзии, что мы никогда не можем быть уверены, видим ли мы материальный объект или нет. Поэтому мы говорим: «кажется», «выглядит», «кажется».

Хорошо. Чтобы понять стиль этого человека, вот как он начинает. Моё общее мнение об этой доктрине таково: это типично схоластический взгляд, обусловленный, во-первых, одержимостью несколькими конкретными словами, а во-вторых, одержимостью несколькими полуизученными фактами.

Дело в том, как я постараюсь прояснить, что наши обычные слова гораздо тоньше в своем использовании и делают гораздо больше различий, чем предполагали философы. И что факты восприятия, как их обнаружили, например, психологи, а также как их заметили обычные люди, гораздо разнообразнее и сложнее, чем считалось ранее. Поэтому я не собираюсь утверждать, что мы должны быть реалистами, чтобы принять доктрину о том, что мы действительно воспринимаем материальные объекты.

Этот вопрос слишком прост и совершенно вводит в заблуждение. Важно то, что два понятия — чувственные данные и материальные вещи — существуют, взаимодействуя друг с другом. Ложным является не одно понятие — чувственные данные, а их противоположность.

Мы воспринимаем не один, а множество различных вещей. Их количество, если вообще возможно, сокращается благодаря научным исследованиям, а не философии. Поэтому прежде всего нам необходимо избавиться от некоторых иллюзий, выдвинутых такими учеными, как Беркли, Юм, Рассел и Айер, которые наиболее искусно использовали аргумент от иллюзии, основанный на относительности чувственных данных.

Таким образом, он продолжает защищать то, что по сути является реализмом здравого смысла, согласно которому, воспринимая чувственные данные, мы в любом случае видим материальные объекты. Здесь он нападает, давайте посмотрим, кажется, я это стер. Он нападает на точку зрения, разработанную Айером, — лингвистический феноменализм.

Райл придерживался лингвистического бихевиоризма. Иными словами, язык разума можно рассматривать как язык поведения. Эйер же разработал лингвистический феноменализм.

Иными словами, язык чувственного восприятия можно полностью интерпретировать, сводя его к ничему иному, как к языку феноменов чувственных данных. Лингвистический феноменализм. В обоих случаях аргументация основывается на предполагаемой переводимости реального предметного языка, разума, материи на какой-либо другой язык.

В данном случае это сводится к смысловым данным и языку. И именно против этого выступает Остин, утверждая, что обычные способы использования языка совершенно иные. Они гораздо тоньше; они позволяют нам говорить и о том, и о другом.

Итак, что же мы получаем в этой философии обыденного языка, и я привожу в качестве дополнительных примеров Гилберта, Райла и Остин, поскольку Стотт

рассматривает их труды? Мы видим ослабление позитивистского подхода , разрушение сциентистского редукционизма, отказ от теории проверяемости и способа её формулировки. А это приводит к повторному введению не только религиозного языка, но и метафизического языка, этического языка, философии сознания и так далее.

Именно это мы и хотим рассмотреть на следующей неделе. Я пока не совсем уверен, в каком порядке мы будем это делать, я подумаю над этим. Но мы хотим посмотреть, что произошло с этической теорией с тех пор, как Айер считал, что положил ей конец.

Безусловно, что произошло с философией языка, потому что это, очевидно, суть вопроса, и что произошло с философией сознания. Именно эти темы я хотел бы затронуть в оставшееся время. Три минуты.

Комментарии. Вы понимаете, о чём я говорю? Достаточно ясно? Освобождение от лишнего, смена методологии. Мне кажется, заметно, что после периода философского скептицизма в истории мысли люди понимают, что им нужно перестроить свои мысли и изменить методологию.

Видите ли, после софистов появилась диалектика Платона. После скептицизма эллинистов появилась диалектика, которую использовал Августин, и в неё был введён христианский взгляд. Скептицизм эпохи Возрождения породил новые методы Бэкона и Декарта.

Скептицизм Юма привёл к трансцендентальному методу Канта. Точно так же скептицизм, если его можно так назвать, позитивистов привёл к появлению обыденного языка и к изменениям, происходящим с тех пор. Ладно, на этом закончим.